

УДК82
ББК84
Г64

ВЫРАЖАЕМ БЛАГОДАРНОСТЬ

За спонсорскую помощь в подготовке и выпуске сборника руководству ОАО «Дальзавод», а также НПО «Дальневосточные медицинские инструменты» (г. Хабаровск) и лично Н.В. Старченко, А.М. Легенкину и В.А. Бутакову.

За представленные материалы о П.И. Гомзякове и помощь в поиске творческого наследия поэта сердечно благодарим сотрудников Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Дальневосточного государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, Центрального государственного архива ВМФ (г. Санкт-Петербург), Государственного военно-медицинского музея МО РФ (г. Санкт-Петербург), Научно-исследовательского института военной истории МО РФ (г. Москва), командование Кронштадтского военно-морского клинического госпиталя, Центрального военно-морского архива (г. Гатчина, Ленинградской обл.), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Государственного архива Приморского края, библиотеки Владивостокского Дома офицеров Тихоокеанского флота, Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Приморской краевой научной библиотеки, Приморской краевой медицинской библиотеки (г. Владивосток).

Г64 **Гомзяков П. В душе моей ношу я мир...** Сборник стихотворений / Сост. Б.Г. Андриюков. Владивосток: Русский Остров, 2012. – 200 с.: ил.

Настоящее издание представляет собой первое и наиболее полное издание творческого наследия П. И. Гомзякова, первого поэта Владивостока. В сборник вошли авторские сборники произведений поэта «Через тернии к звездам», «Два светоча», «Ad astra», «Две свечи» и другие, опубликованные малыми тиражами в 1885–1916 гг. До сих пор ни в красном, ни в отечественном литературоведении нет обобщающих исследований творчества П.И. Гомзякова. Надеемся, что настоящее издание положит начало системному исследованию творчества этого замечательного поэта.

Для широкого круга читателей – любителей поэзии, краеведов.

ISBN 978-5-93577-063-1

© Андриюков Б. (составление), 2012
© «Русский Остров», 2012

*Издание посвящено 145-летию со дня рождения
П. Гомзякова и 140-летию со дня основания
Владивостокского военно-морского госпиталя*



Ярче изумруда две слезы сверкают,
Будят о погибшей в нем воспоминанье,
Каменной сердце снова согревают,
Освещают снова смысл существования.

Две слезы русалки жемчугами стали.
Им цены нет в мире. Цепь воспоминаний.
И звено двух жизней они воплощали –
Свет былого счастья, тень былых страданий.

Он в заветном гроте поселил малюток,
Раковину няню их блюсти приставил,
Жизнь он понял снова, к жизни стал он чуток.
На жемчужин дочек всю любовь направил.

Песня об утесе до конца допета!
Записал ее вам я со слов поэта.
А насчет русалок – право уж не знаю,
Есть они иль нет их, – руки умываю.



Сучанские наброски

(Посвящается К.Р. Вейссу)

I

Залив Америка

На холм, увенчанный дубками
И весь опутанный плющом,
Взобрался я. В немом восторге
Гляжу я с жадностью крутом.

Передо мной равниной синей,
Покрытый рябью золотой,
Встает залив между горами
Под фиолетовой фатой.

Уж вечерело. Гуще тени
Ложились в щели дальних скал:
Какой-то вдумчивой красою
Залив, казалось, дышал...

Над «Лисьим островом», белея,
Сбирались чайки на ночлег,
Готова к утру свой обычный
На рыб разбойничий набег.

Вдали задумчиво и важно
Два пика острые стоят, –
То «Брат с Сестрою» неразлучно
Сучана устье сторожат.

Под ними лентой прихотливой,
Знакомец юных лет, Сучан
Течет, лениво извивая
Прозрачно-серебристый стан.

Мне снились часто твои пики,
Твоей равнины дивный сад,
Твои могуче разливы
И даже... кислый виноград!

Здесь эпилог несложной драмы
Один мой друг переживал:
Ту, что возвышенной любовью
Своей мечтой он называл.

Сюда ее – мечту поэта,
Святую, первую любовь,
Увез женою не любимый...
Они не свиделись уж вновь!

Года проходят. Недозрелым
Остался здесь лишь виноград,
А чувства... чувства перезрели
И в Лете, может быть, лежат.

Искать их там – совсем не стоит.
За музой полетим скорей!
Ведь, кстати, мчаться нам не трудно
На тройке добрых лошадей.

II

Долина р. Сучанга

Дорога вьется вдоль залива...
Песок сверкает золотой,
И пену волны оставляют
На нем извилистой чертой.

Здесь дышит все таким покоем,
Такою чистой красотой,
Что снова хочешь верить счастью,
Что снова хочешь жить мечтой!

Кругом в плюще и повилике
Ковер узорный из цветов, –
Из пышных ирисов и лилий
И нежно-синих васильков...

Бегут навстречу и мелькают
Поля пшеницы и овса,
И золотистой кукурузы...
А сбоку тянутся леса.

Какой здесь воздух! Полной грудью
Вдыхая острый аромат
Хлебов и трав, и чернозема...
И дальше, дальше кони мчат.

Но вот пред нами вырастая,
Средь поля высится стена
Отвесных скал с зубчатой кроной,
И прихотлива, и стройна.

В ней, точно башни и бойницы,
Торчат отдельные зубцы.
И так и кажется – за ними
Стоят с оружием бойцы.

III

С. Екатериновска

К подножью каменной громады
Уютно лепится село,
Куда случайно нас судьбою
С N. N. на тройке принесло.

Здесь все знакомые картины:
Телята, свиньи, глупый гусь,
Непросьхающие лужи...
Да, это ты, святая Русь!

После яичницы и чая
В прохладной хате Долгалья
Нос кони новые помчали,
Ушами бойко шевеля.

Старик Долгаль, король пчелиный,
Двух тысяч ульев командир!
Ты угостил нас медом славным,
Пусть над тобою будет мир!

Успел ты вовремя покинуть
Плохой черниговский надел
И в крае тигров и хунхузов
На чернозёме здесь осел.

Сначала шли дела неважно:
Сучан шалил и «пьяный хлеб»,
И хворь на скот тебя смущали,
Да помогли Борис и Глеб!

Теперь не то. Пантов целебных
Набил ты много на веку,
Да пчелки тоже порадели
Набить кубышку старику.

Поля распаханы чудесно
Рукой наемных каулей...
Не налюбуешься красою
Екатериновских полей!

Чего тут только не увидит
Пришелец из далеких стран:
Кунжут, табак, чумизу, пайзу,
Вот он какой у нас Сучан!

О, мой читатель благосклонный!
Тебя я, верно, утомил
Непоэтической вставкой
О жизни здешних воротил?

Но дальше. Взвилась тройка птицей, –
И полетели мы опять
К досаде комаров туземных,
Не успевавших нас кусать.

Ямщик попался говорливый,
Он кнутовищем все махал
И всю дорогу презабавно
Своеобразно описал:

«Вон там синеея вершина:
То, вишь, «Макарова гора»,
На стол большой она похожа,
Туман на ней – не жди добра.

Та «Шапкой Сенькиной» зовется;
Ей кличку, видно, ловкий пес
Придумать впору ухитрился, —
А слева «Чертов, виш, утес».

Тут наш ящик оборотился
И, хитро вдруг прищурился,
Промолвил нам: «Письмоводитель
Семен Иванович есть у нас».

Кажинный раз на этом месте,
Когда покажется она,
Семен Иванович, скажешь, ваша
Вон и фуражечка видна.

Известно дело — он письменный
И любит, чтобы честью — честь.
Ну да и нам перепадает,
Коли раздобрится поднесь».

И долго бойкий калужанин
Наш слух беседой услаждал,
И от души Н. Н. смешливый
Над меткой речью хохотал.

Дорога в горы повернула.
Пошли леса стеной опять,
И пади стали надвигаться —
«Кабанья падь», «Оленья падь»...

Следы недавних наводнений
Носили пади между круч.
Вот с громким ропотом несется
Навстречу к нам «Лозовый ключ».

Сверкая пеной белоснежной,
Он бурно мчится между ив
И в чаще прячется тенистой,
Как плугом, берег взбороздив.

IV *Сучанские коты*


Под «Острой сопкою» в ложине,
Меж кедров, липы и дубов,
Ютится, в зелени белея,
Поселок тихий рудников.

В Кардиф сей будущий въезжая,
Я думал только об одном,
Что уж давно приятель старый
Меня здесь ждет в свой милый дом.

И точно, будто ненароком
Сюда закинут я судьбой:
Мой друг страдал душою чуткой,
Измучен внутренней борьбой.

О том, что он теперь поведал
Мне здесь не место говорить,
И пред страданиями другого
Я должен голову склонить.

Мой добрый друг! Живую душу
Ты, как и прежде, сохранил,
А кто страдает за другого, —
Тот не напрасно в свете жил!



В глуши лесов, вдали от света,
Здесь те же радость и печаль,
Надежды светлые и вера
В добра безоблачную даль.

Мечты... Какою чудной силой,
Какой вы прелестью полны!
Без вас и жизнь – одна пустыня,
И только вами мы сильны!

И сколько б мы в болотной тине
Не стали вязнуть, утопать, –
Мечты, и вера, и надежда
Нас будут вечно окрывать.


Пусть тех, кто верит, дураками
Честят с насмешкой пошляки, –
Дурак у истины – царевны
Добьется сердца и руки!

За четверть века перемены
У нас свершились на глазах.
И верю я родному краю,
И жалок тот, в ком силен страх!

Уж скоро свежее струею
Здесь жизнь иная закипит:
Сюда за счастьем и привольем
Волна людская набежит.

У
Ночь

Стоит, луной осеребрённый,
Вокруг поселка старый лес
И с ветром шепчется тихонько
Под сводом дремлющих небес.



Прохладна ночь. Вершины сопок
Слегка окутались в туман,
И в сон усталых рудокопов
Уж погрузился мирный стан.

В «Оленьей пади» боязливый
К ручью не крадется олень,
И на нее от «Острой сопки»
Ложится сумрачная тень.

Как тихо все. Но что за диво?
Волной чуть слышной налетев,
Мне вдруг почудился из шахты
Тягучий медленный напев.

Иль грежу я? Сначала глухо,
Потом все ближе и ясней
Я слышу песни перекаты
Из царства мрака и теней.

Песня рудокопов:

О братья, мига не теряя,
Мы с Богом двинемся в наш путь,
Рукою смелой пробивая
Земли уступчивую грудь!

Пусть грязный пот с лица струится!
Пусть каждый трудится, как крот!
Нам это царство покорится!
Итак, смелей, друзья, вперед!

Там наверху неосязаем
Для мира наш тяжелый труд,
Но то, что мы здесь добываем,
Ему тепло и свет дадут.

Пусть грязный пот с лица струится!
Ценней алмазов во стократ
Наш уголь. Он ведь пригодится
И для избы, и для палат.

Мы каждый миг во власти Бога;
Хранит Он, Милосердный, нас!
Врагов опасных здесь так много:
Вода, обвалы, вредный газ.

Пусть грязный пот с лица струится,
Но, верьте, совесть в нас чиста.
Труда никто здесь не боится,
А в нем вся наша красота!

Дружнее песню, братья, грянем,
Дробя киркой земную грудь!
Что Бог пошлет, то мы достанем,
Чтоб слаще после отдохнуть».

Да, грезил я. То с ветром споря,
Шумел в досаде темный лес,
И в этом ропоте сердитом
Напев расплылся и исчез.

VI

День

Чуть-чуть пурпурною зарею
Алеться начинал восток,
Из падей, дремлющих в тумане,
Тянулся бодрый холодок.

Сверкнуло солнце. Заиграла
Алмазной радугой роса,
И ясной летней синевою
Оделись снова небеса.

Гудок зовет рабочих в шахту:
Для них начался день труда,
И нас – туристов потянуло
Спуститься в шахту к ним туда.

В обычном платье рудокопов,
С железной лампою в руках,
Ползли мы в трубу гезенга,
Тая в душе невольный страх.

Сначала я чуть не задохся,
Глотая копоть ламп и чад,
Затем промок, проехав в луже
Спиною как-то невпопад.

Ползли в трубе мы, точно змеи,
Крича друг другу: «Не сори!»
Когда за кем-нибудь катился
Кусок угля так пуда в три.

Кой-где при свете красноватом,
Как мощный сказочный циклоп,
Дробя пласты угля киркою,
Стоял весь черный рудокоп.

Нет больше мрачного Плутона!
Сюда свет знания проник –
И вместо старика Харона
Нас вел ученый проводник.

Пласты пород, забой²⁰, квершлаг²¹,
Газенги, штрек²², антиклинал²³ –
Тут свой язык у рудокопов:
Я тьму слов новых нахватал.

Вот, наконец, мы в нижнем штреке
Бредем, как гуси по воде;
Со сводов капли дробно льются,
Скользя с лица по бороде.

Здесь в этом мрачном коридоре,
Меж тусклых серо-черных стен,
Везутся тачки с грузом угля
Людьми в воде вплоть до колен.

Темно и холодно, и сыро...
Скорей на воздух и на свет!
Да, тут я понял, что рудничной
Трудней работы в свете нет.

20 Квершлаг – поперечный ход
21 Штрек – главный коридор
22 Антиклинал – часть слоя какой-нибудь минеральной породы после излома во время подземных переворотов
23 Антиклинал – часть слоя какой-нибудь минеральной породы после излома во время подземных переворотов

Тилин науке

Над нами сияет немеркнущий свет
Единой, могучей науки,
И в ней наша сила, – сомнения нет
К ней с верою тянутся руки!

С далеких окраин родимой страны,
Духовною жаждой томимы,
Сюда мы наукой, друзья, собраны,
Как верой в Сион пилигримы.

И верой глубокой сердца в нас горят,
Что жизни высоко значенье,
Когда в ней свет знания и правда царят,
Над истиной нет угнетенья.

У русского юноши рано в уме
Пытливые думы рождаются,
Звездой путеводной сияя во тьме,
В страданиях они закалятся.

И первую думой народ у него,
В ком сила отчизны таится,
И жизненной правды занять у кого
Он чуткой душою стремится.

Но скоро ли в мире родимый народ,
В сознании силы и света,
Достойное место по чести займет?
Поищем мы в сердце ответа!
И твердо мы верим, что сбудется то –
Надеждою сердце в нас бьется,
И пусть миг единый, не десять, не сто
До этого лет проживется